

«Даурский усалец» Дружина Васильевич Попов

Гладких С. А. (Котлас)

Среди героев Амурского похода середины XVII века – и соратников, и соперников легендарного Ерофея Хабарова – было немало северян, выходцев с территории современной Архангельской области. Это и сам Ерофей Павлович, и его преемники на посту руководителя Амурского войска Онуфрий Степанович Кузнец и Артемий Филиппович Петриловский, и мятежный есаул Степан Васильевич Поляков¹. Сослуживцем и земляком этих людей являлся один из наиболее значимых и загадочных персонажей в истории российского покорения Приамурья – Дружина Васильевич Попов.

Сведений о нём сохранилось немного, к тому же они фрагментарны, разрозненны и зачастую противоречат друг другу, поэтому создать целостную и законченную биографию этого человека не представляется возможным. Большинство документов о Д. В. Попове выявлено в фондах Российского государственного архива древних актов московским исследователем Г. Б. Красноштановым и опубликовано в его монументальной работе «Ерофей Павлович Хабаров», которая стала базовой и для настоящего исследования. Архивные находки Г. Б. Красноштанова наряду с привлечением ряда иных материалов, касающихся Д. В. Попова, позволили предпринять попытку хотя бы в общих чертах обрисовать портрет этого малоизвестного исторического деятеля XVII столетия.

Загадки в биографии Дружины Васильевича Попова начинаются с его имени. Дружина – это старославянское имя-прозвище, а полученное при крещении «официальное» имя этого человека доныне остаётся неизвестным. Конечно, нельзя сказать, что в отношении XVII века такое именование является редкостью. В качестве примера можно вспомнить и такую заметную фигуру из истории Амурского похода, как Третьяк Ермолаевич Чечигин.

¹ Подробно см.: Гладких С. А. Малая родина Ерофея Хабарова // XVII век в истории и культуре Русского Севера. Материалы XII Каргопольской научной конференции (14–16 августа 2012 г.). Каргополь: [Б.и.], 2012. С. 282–288; Гладких С. А. Герой Амурского похода Онуфрий Степанович Кузнец // Поморские чтения: Сборник материалов I межрегиональных научных Поморских чтений. Архангельск: Архангельский краеведческий музей, 2017. С. 27–38; Гладких С. А. Казачий атаман Артемий Петриловский – герой освоения Сибири в XVII веке // Защитники Отечества. Вып. 14. Архангельск: Региональный центр патриотического воспитания и подготовки граждан (молодёжи) к военной службе, 2016. С. 32–41.

Однако у него хотя бы известно крестильное имя – Кондратий. В отношении же Д. В. Попова ситуация иная. Наверняка сохранились документы, в которых он назван своим «подлинным», календарным именем, но в сочетании со столь распространёнными отчеством и фамилией эти упоминания невозможно однозначно соотнести с «Дружиной Васильевым сыном Поповым». Здесь следует указать, что имя «Василий» было в России вторым по частоте употребления после «Иван», а фамилия «Попов» – самой распространённой на Русском Севере². В Сибири Поповых тогда тоже числилось немало, наиболее известный – холмогорец Федот Алексеевич Попов, организатор и участник знаменитой экспедиции Семёна Дежнёва.

Точное место рождения Д. В. Попова также неизвестно, но в сохранившихся документах он именуется либо «усольцем», то есть выходцем с немалой территории Усольского (позже – Сольвычегодского) уезда, либо уроженцем «Соли Вычегоцкой». Второй вариант позволяет предположить, что его малой родиной являлся непосредственно уездный центр – современный город Сольвычегодск. Так или иначе, Д. В. Попов был достаточно близким земляком ключевых фигур Амурского похода – Е. П. Хабарова и А. Ф. Петриловского.

Ранний этап биографии Дружины Попова, как и почти всех участников освоения Сибири в XVII веке, остаётся неизвестным. Можно предположить, что он, как и многие его земляки-современники, навсегда ушёл из родового гнезда в поисках лучшей доли во второй половине 1630-х годов, когда Русский Север постигла череда сильнейших неурожаев, вызвавшая массовую миграцию местного населения в Сибирь³.

Первое из выявленных к настоящему времени документальных упоминаний о Д. В. Попове относится к 18 мая 1641 года⁴, когда в жиганской таможне (современный посёлок Жиганск на нижней Лене) было «взято государевы десятыя пошлыны с промышленного человека з Дружинки Васильева с его мягкой рухледи, з дву сороков

² Никонов В. А. География фамилий. М.: Наука, 1988. С. 34; Сулова А. В., Супранская А. В. О русских именах. Л.: Лениздат, 1985. С. 80.

³ Жеребцов И. Л. Роль климатических изменений в процессе заселения Европейского Севера // Историческая демография. 2010. № 1. С. 15.

⁴ Все даты в тексте даны по Юлианскому календарю (старому стилю). Для перевода на новый стиль в отношении XVII века необходимо прибавлять 10 дней.

з двадцати соболей с перекупных, десять соболей»⁵. Эта запись свидетельствует, что Д. В. Попов занимался традиционным для пришедших в Сибирь северян пушным промыслом и торговлей пушниной. Основным местом жительства Д. В. Попова в то время являлся, видимо, или Илимск, или Енисейск, откуда он ежегодно уходил в промысловые экспедиции по сибирским рекам. Вероятно, тогда его главной целью было «пробиться» за счёт соболиной добычи в более статусное и богатое сословие «торговых людей». Однако охотничье счастье переменчиво, и быстро нажить капитал на добытой пушнине ему, по всей видимости, не удавалось.

Тем не менее постепенно он увеличивал торговые обороты и налаживал более масштабный промысел. Так, в 1648 году Д. В. Попов нанял пятерых покручеников в складчину с двумя другими промышленными людьми. На первый взгляд, зимний промысловый сезон оказался не самым удачным, поскольку записи в таможенных книгах Ленского волока (современный город Усть-Кут) за май 1649 года свидетельствуют о наличии у Д. В. Попова лишь 45-ти соболей: 24-х «промышленных» и 21-го «перекупного». Но эти данные, очевидно, неполны, поскольку далее Д. В. Попов, купив восемь пудов соли, направился в Якутск с запасом хлеба и «весчего товару», приобретённого за счёт продажи соболей. Здесь у него было взято «полавленного за гостин двор, за пять недель», а это означает, что он вёл розничную торговлю. Вырученные средства позволили ему снарядить на соболиный промысел своего «брата» (судя по отчеству, двоюродного) Максима Микифорова с семью покручениками, а самому налегке отправиться обратно «до Илимского острогу». Видимо, в оборот были пущены все наличные средства, и 24 мая 1650 года Д. В. Попов вновь прибыл в Якутск уже не в качестве самостоятельного промышленника, а как покрученик (наёмный охотник) известного в Сибири торгового человека Матвея Яковлевича Ворыпаева – уроженца Лальского погоста Усольского уезда⁶. Через два дня, 26 мая, в Якутский острог прибыл с Амура Ерофей Павлович Хабаров. Встреча с ним полностью перевернула жизнь Д. В. Попова.

Е. П. Хабарову нужны были деньги и люди для продолжения начатого в 1649 году Амурского похода. Поэтому он не стеснялся

⁵ Цит. по: Красноштанов Г.Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск: РИОТИП, 2008. С. 225.

⁶ Подробно см.: Там же. С. 225–227.

в самых радужных красках описывать реальные и мнимые богатства нового края – «Даурской земли». Одним из поверивших Е. П. Хабарову стал и Дружина Попов. Однако, чтобы двинуться в далёкий поход, ему требовались немалые средства, которых у покрученника явно не было. И тогда он занял их в долг... у якутского воеводы Дмитрия Андреевича Францбекова, который ссудил ему ни много ни мало 600 рублей.

Здесь-то и кроется самая большая загадка в биографии Д. В. Попова. Каким образом доселе безвестному человеку удалось настолько войти в доверие воеводы (по-нынешнему – губернатора), что тот согласился одолжить ему столь крупную по тому времени сумму? Более того, Д. В. Попов умудрился дополнительно получить в долг 300 рублей с брата воеводы, Ивана Андреевича Францбекова, и 32,5 рубля с ещё одного местного чиновника – Василия Ермолаевича Нефедьева⁷. Не менее важно отметить и то, что «кабалу писал Дружинка на себя своею рукою». Это свидетельствует о высоком уровне грамотности Д. В. Попова, что выгодно выделяло его из среды промышленных людей Сибири тех лет.

Тем не менее, грандиозные долги Д. В. Попова сильно отдают авантюризмом либо, выражаясь по-русски, поступком «на авось», и заставляют предположить в нём характер игрока. Его предшествующие торгово-промысловые операции также свидетельствуют о том, что он мог «поставить на карту» сразу всё своё состояние. Так, по сведениям дьяка П. Г. Стеньшина, Д. В. Попов прибыл на Лену в 1649 году «из Енисейского на судне устюжанина у Павла Фотиева сына Бизимова в наёмщиках, и в Якутцкой острог пришёл без товару» (по другим данным, П. Ф. Бизимов был «торговым человеком Соли Вычегоцкой»)⁸. Эта информация расходится с данными таможенных книг якутского острога и поэтому, скорее всего, должна быть отнесена годом ранее, но она подтверждает, что «оборотных средств» у Д. В. Попова не хватало регулярно. Тем непонятнее, почему Д. А. Францбеков решил довериться столь «рисковому» человеку. Возможно, потому, что и сам воевода рисковать не боялся.

Вероятно, Д. В. Попов мог сослаться на то, что какие-то суммы в обеспечение долга имеются у него в Илимске или Енисейске.

⁷ О долгах Д. В. Попова подробно см.: Там же. С. 227, 251, 328.

⁸ Цит. по: Там же. С. 225, 261.

Кроме того, в заклад могли пойти доходы с организованного на средства Д. В. Попова соболиного промысла Максима Микифорова. Однако выдвинутых предположений всё же недостаточно, чтобы полностью объяснить «легкомысленное» поведение якутского воеводы. Вероятно, между Д. В. Поповым и братьями Францбековыми существовали какие-то личные связи, но о них приходится только гадать.

Полученные Д. В. Поповым средства позволили ему не только самому отправиться в далёкую Даурию, но и снарядить в Амурский поход за «свой» счёт девять покручеников. Таким образом, он автоматически становился войсковым десятником. Но его реальная роль в Амурском войске благодаря финансовой обеспеченности была ещё выше. Перед отправкой в поход набранные Е. П. Хабаровым 117 добровольцев уже как «новоприборные служилые люди» обратились к Д. А. Францбекову с челобитной, прося освободить их от налогообложения. В сопутствующей памяти (инструкции) воеводы якутскому таможенному голове из челобитчиков поимённо упомянуты только трое, и первым среди них значится «Дружинка Васильев Попов»⁹. Таким образом, Д. В. Попов фактически признавался руководителем отряда добровольцев, уходившего из Якутска на Амур.

С зачислением Д. В. Попова в Амурское войско связано важное событие: смена им социального статуса. Добровольные участники Амурского похода занимали промежуточное положение между «охочими» и «служилыми» людьми, поскольку не получали «государева жалованья» и несли государственную службу за свой счёт. Поэтому официально они именовались весьма витиевато: «новой даурской земли охочими новоприборными служилыми казаками». Это создавало немало проблем, поскольку не гарантировало сохранения служилого статуса и связанных с ним льгот в дальнейшем. Тем не менее именно с этого момента вектор жизни Д. В. Попова меняется самым радикальным образом: из человека, ориентированного на получение прибыли и карьеру торговца, он становится человеком, нацеленным на несение «государевой службы» и, соответственно, военно-служилую карьеру. Разумеется, столь решительная смена приоритетов не могла состояться мгновенно, но ключевым в произошедшем психологическом сдвиге стал именно приём Д. В. Попова в Амурское войско.

⁹ Там же. С. 224.

Набранный Е. П. Хабаровым новый отряд, состоявший из добровольцев и якутских служилых казаков, в июле двинулся в поход, и уже в сентябре 1650 года объединился с частью войска, ранее оставленной на Амуре. Встреча произошла под даурским городком Албазин, осаждённым первым отрядом. С прибытием новых русских подкреплений защитники городка отступили, и Е. П. Хабаров занял Албазин, где Амурское войско провело зиму 1650–1651 гг., занимаясь соболиным промыслом и обложением местных племён ясаком (налогом пушниной). В соответствии с принятой тогда практикой, для гарантии уплаты ясака захватывали «аманатов», то есть заложников. Не гнушались казаки-амурцы и элементарным грабежом местного населения, именуя добытых таким образом соболей «погромной рухлядью».

Весной 1651 года готовивший большой поход вниз по Амуру Е. П. Хабаров отправил в Якутск с отпиской (донесением) воеводе и первым собранным ясаком группу из трёх заметных в Амурском войске человек: Т. Е. Чечигина, А. Ф. Петриловского и Д. В. Попова. Согласно предположению Г. А. Леонтьевой, «Состав посыльных был не случаен. Чечигин как служилый человек выполнял официальную миссию – доставлял отписку и ясак; Артемий Петриловский, племянник Хабарова и его поверенный в делах, вёз воеводе-ростовщику соболей. Дружина Попов – тоже должник Францбекова – ехал с ним расплачиваться и просить о повёрстке в службу»¹⁰. Однако главной задачей этих людей было убедить воеводу в необходимости выделения новых средств и отправки на Амур новых подкреплений. В отношении же ухода в Якутск Д. В. Попова присутствовал иной фактор, о котором речь пойдёт ниже.

Посланники Е. П. Хабарова отправились из Албазина, видимо, 25 марта, и прибыли в Якутск 29 мая 1651 года.¹¹ На основе полученной отписки воевода составил свою, предназначенную для передачи в Москву вместе с даурским ясаком. Кроме того, Д. А. Францбеков принял важное решение: не возвращать Д. В. Попова на Амур, а направить с даурскими соболями в Сибирский приказ именно его. Как очевидец, Д. В. Попов мог сообщить в Москве немало ценных сведений. К тому же, согласно давней традиции,

¹⁰ Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М.: Просвещение, 1991. С. 67.

¹¹ Красноштанов Г. Б. Указ. соч. С. 264, 274.

посланец с добрыми вестями имел шанс получить дополнительное вознаграждение, в чём для Д. А. Францбекова заключался и вполне понятный личный интерес.

Здесь следует отметить, что часть долга Д. В. Попов воеводе, видимо, вернул, но даже в 1667 году за ним в Якутском остроге по уже взятой в казну кабале Д. А. Францбекова числилась задолженность в 332 рубля 16 алтын 4 деньги. Бóльшим должником Д. А. Францбекова был только сам Е. П. Хабаров, чья задолженность, по данным П. Г. Стеньшина, в 1650 году составляла 2900 рублей, а через год за счёт новых займов достигла совершенно невероятной по тем временам цифры в 7000 рублей (в 1667 году – 4382 рубля 22 алтына 2 деньги)¹². Злоупотребления якутского воеводы «государевой казной» при организации Амурского похода вызвали серию доносов П. Г. Стеньшина в Сибирский приказ, в которых постоянно фигурировало имя Д. В. Попова как второго по значению должника Д. А. Францбекова. Эти люди действительно были крепко «повязаны».

Точный размер первого даурского ясака не вполне ясен, хотя расхождения в документах минимальны. По данным подьячего Амурского войска Ивана Прокопьевича Посохова, всего собрали «четыре сорока шесть соболей да шубу соболью». Д. А. Францбеков уточняет: «четыре сорока шесть соболей, в том числе соболь битой, да шуба пластинная». П. Г. Стеньшин уничижительно замечает: «всего только четыре сорока соболей, и те... обышные». Ревизовавший ясак енисейский воевода А. Ф. Пашков составил наиболее полное и, видимо, самое точное описание: «четыре сорока шесть соболей, шуба соболья, четыре сорока шесть пупков собольих, да... новые Даурские земли всякого хлеба опыт» (то есть образцы местного зерна)¹³. Однако данная П. Г. Стеньшиным оценка вполне верна: для организованной с таким размахом экспедиции размер ясака совершенно мизерный. Частные промысловые ватаги за сезон обычно добывали больше¹⁴. Поэтому с отправкой ясака в столицу Е. П. Хабаров и особенно Д. А. Францбеков явно поторопились. До некоторой степени их извиняет лишь русская поговорка «лиха беда начало».

¹² Там же. С. 251, 297, 328.

¹³ Цит. по: Там же. С. 258, 268, 274, 277.

¹⁴ Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII–середине XIX в. М.: Наука, 1980. С. 32–33.

Перед поездкой в Москву Д. В. Попов 7 июня 1651 года подал Д. А. Францбекову челобитную на имя царя. Этот ценнейший и интереснейший документ заслуживает, чтобы привести из него объёмную выдержку: «...бьёт челом холоп твой, новой дальней Даурской земли охочей новоприборной служилой человек Дружинка Васильев Попов. В прошлом, государь, во 158 году по твоему государеву указу и по приказу твоего государева воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да дьяка Осипа Стефанова по моему, холопа твоего, челобитью ходил я, холоп твой, на твою государеву службу в новую Даурскую землю с приказным человеком с Ярофием Хабаровым своими девятыю человеки на своих проторех, должая великими долгами, хлебными запасы и оружием, и порохом, и свинцом, и всякими служилыми заводы для твоих государевых немирных и непослушных и неясачных даурских людей. И живучи я, холоп твой, в новой даурской земле с приказным человеком и служилыми людьми, твои государевы всякие службы служил. И будучи на тех твоих государевых службах я, холоп твой, на боях в кукле и в шапке и в наручниках, и билися мы, государь, холопи твои, з даурскими людьми сцепным боем с утра до вечера в трёх, приходили многие стрелы и меня, холопа твоего, ранили, наручень пробили у правой руки и уранили в мышку, и по полым местам ранили правую ногу по берцу, а мою [левую] ногу по колену. И от тех, государь, ран я, холоп твой, лежал многое время. И на том, государь, бою взяли мы, холопи твои, аманата княжева сына Тыгичея и иных даурских языков, и ясак с них тебе, государю, взяли с тово аманата Тыгичея и иных небольших даурских людей. И с теми... меня, холопа твоего, воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да дьяк Осип Стефанов к тебе, государю, к Москве из Якутцкого острогу за твоею государевою новою даурскою ясачною казною и с отписками. Милосердый государь... , пожалуй меня, холопа своего, за мои подъемишка и за раны своим царским жалованьем, чем ты, государь, пожалуешь»¹⁵.

Информация о боях, которые вело войско Е. П. Хабарова с местным населением зимой 1650–1651 годов, крайне противоречива, поэтому установить, где и когда Д. В. Попов получил описанные ранения, не представляется возможным. Упомянутый в челобитной аманат Тыгичей, согласно показаниям десятников Амурского

¹⁵ Цит. по: Красноштанов Г.Б. Указ. соч. С. 275.

войска, был взят ещё до появления Д. В. Попова на Амуре¹⁶. Однако подробное описание полученных ран не позволяет обвинить Д. В. Попова в обмане или симуляции, хотя какая-то часть ранений, возможно, приходится на «доамурский» этап его биографии. Ранения эти, безусловно, были лёгкими, иначе ему невозможно было одолеть тяжёлую дорогу до Якутска. Тем не менее, именно состояние здоровья могло стать решающим фактором ухода Д. В. Попова с Амура.

То, что на Амуре оставались девять покручеников Д. В. Попова, обязанных отчислять ему часть своей добычи, означало, что он сохранял возможность получения дохода от экспедиции, даже находясь за пределами Приамурья. Фраза о «царском жалованье», видимо, одновременно являлась завуалированной просьбой оставить Д. В. Попова на официальной государственной службе, окончательно выведя его из разряда «охочих людей». Описание же долгого и жестокого боя с даурами напоминает «батальные сцены» из отписок Е. П. Хабарова, и по отношению к этому периоду Амурского похода является преувеличением. Попутно отметим, что челобитная содержит немаловажную информацию об экипировке амурских казаков.

Челобитную Д. В. Попова направили в Москву, подклеив к специальной сопроводительной отписке воеводы Дмитрия Францбекова и дьяка Осипа Степанова, содержавшей sacramентальный вопрос: «И о том что ты, государь, укажешь?»¹⁷ Подобная «виза» двух высших должностных лиц Якутского уезда должна была придать челобитной дополнительный вес в глазах московской приказной бюрократии. Д. А. Францбеков был явно заинтересован в том, чтобы за счёт «государева жалованья» взыскать остаток долга с Д. В. Попова. Кроме того, можно предположить, что по состоянию здоровья Д. В. Попов некоторое время не мог нести военную службу на Амуре, и Д. А. Францбеков пытался предоставить ему возможность иного «заработка», что, вероятно, отвечало и чаяниям Д. В. Попова.

Однако самое интересное заключается в том, что должник воеводы Д. В. Попов перед отправкой в Москву сам выступил в качестве кредитора. Заёмщиком стал Юрий Селивёрстов – человек, хорошо известный в отечественной историографии

¹⁶ Там же. С. 262.

¹⁷ Там же. С. 274.

благодаря его громкому конфликту с Семёном Дежнёвым¹⁸. Летом 1651 года Ю. Селивёрстов с разрешения Д. А. Францбекова и опять же при материальном содействии воеводы отправлялся по стопам С. И. Дежнёва в морскую экспедицию вдоль чукотского побережья¹⁹, и деньги ему были крайне нужны. Но больше всего поражает сумма произведённого им у Д. В. Попова займа – 2,5 тысячи рублей! При этом Селивёрстов обязался вернуть в качестве долга через год «пятьдесят сороков соболей промышленных добрых» по цене 60 рублей за сорок. Как иронично заметил по поводу этой сделки Г. Б. Красноштанов: «какой размах по сравнению с четырьмя сороками, привезёнными от всего амурского войска»²⁰! Следовательно, деньги у Д. В. Попова имелись, причём немалые.

Поскольку Юрий Селивёрстов и Дружина Попов направлялись из Якутска в противоположные стороны, вернуть долг лично в оговорённые сроки не было никакой возможности. Поэтому в заёмной кабале в качестве получателя указывался приказчик Д. В. Попова. Кто был этим человеком – неизвестно, но само наличие приказчика подразумевает и осуществление торговых операций с немалым оборотом. Тем не менее, Д. В. Попову вряд ли удалось вернуть столь опрометчиво предоставленные средства, по крайней мере в полном объёме. Экспедиция Юрия Селивёрстова оказалась неудачной, и по её итогам в 1657 году за ним числился долг перед казной в 1396 рублей 6 алтын 4 деньги²¹.

Помимо Д. В. Попова, займы в Якутске летом 1651 года раздавал и А. Ф. Петриловский, не говоря уже о Д. А. Францбекове²². Амурский поход явно приносил хорошую прибыль. При этом, по свидетельству войскового подьячего И. П. Посохова, весь отправленный в Москву с Д. В. Поповым ясак был собран на Амуре ещё до прибытия Е. П. Хабарова из Якутска в Албазин²³! Из этого следует, что огромная часть добытой на Амуре «мягкой рухляди» действительно прошла мимо царской казны.

¹⁸ Дополнения к актам историческим. Т. 4. СПб.: Типография Э. Праца, 1851. С. 10, 20–21; Белов М. И. Подвиг Семёна Дежнёва. М.: Мысль, 1973. С. 133–135.

¹⁹ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сборник документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке / Сост.: М. И. Белов. Л.-М.: Главсевморпуть, 1952. С. 206.

²⁰ Красноштанов Г. Б. Указ. соч. С. 276.

²¹ Белов М. И. Указ. соч. С. 135.

²² Красноштанов Г. Б. Указ. соч. С. 296–297.

²³ Там же. С. 258.

Тем временем дьяк П. Г. Стеньшин в очередном доносе на Д. А. Францбекова предлагал: «И что ныне тому Дружинке, как ево ныне из Якутцкого острогу отправил к тебе, государю, к Москве, для вывозу денег своих дал, укажешь того Дружинку распросить с пристрасткою, для того, что тот Дружинка в те поры ехал с ним же, Ярофейком, и в Даурской земли был, зиму зимовал, и ныне из Якутцкого отпущен к тебе, государю, к Москве з Дмитриевыми от-писки и с ево, Дмитриевыми, нажитки, и тем Дружинкою по твоему государеву указу мошно будет в той даурской службы и в ево, Дмитриевых, посыльных деньгах, и что он Ярофейку и ему, Дружинке, и иным служилым людем, и промышленым охочим людем, и ему, Дружинке, для вывозу денег дал, сыскать»²⁴.

Обратим внимание, что, по сведениям П. Г. Стеньшина, Д. В. Попов вёз в Москву не только государев ясак, но и «Дмитреевы нажитки», причём за счёт Д. А. Францбекова. А «распросить с пристрасткою» означало пытаться. И хотя Д. В. Попов успевал прибыть в Сибирский приказ раньше доноса П. Г. Стеньшина, как затем могли обойтись с ним в столице – становилось неясным. Однако довести государеву казну до Москвы Д. В. Попову было не суждено. Что случилось в пути, неизвестно, но 27 августа енисейский воевода А. Ф. Пашков отписал в столицу: «в Енисейском, государь, остроге тот даурской охочей служилой человек Дружинка Васильев занемог, лежит болен при смерти. И отец духовной ево исповедывал»²⁵. Возможно, сказались последствия полученных ранений. В результате А. Ф. Пашков распорядился заново опечатать даурскую казну и направить её в столицу в сопровождении енисейского казачьего десятника Дружины Михайлова. 25 января 1652 года Дружина Михайлов прибыл в Москву. 18 февраля в Сибирский приказ поступил донос Петра Стеньшина²⁶.

Однако Д. В. Попову повезло: ему удалось не только «вовремя» заболеть, но и выздороветь, и к концу 1652 года всё же добраться до Москвы. Ему по-прежнему было необходимо доставить в столицу «нажитки» своего покровителя и узнать судьбу поданной челобитной. К тому времени «острота вопроса» по доносам П. Г. Стеньшина была снята: в Якутске уже вёл следствие стольник Иван Павлович Акинфов, а на Амур направлялся московский дворянин Дмитрий

²⁴ Цит. по: Там же. С. 276.

²⁵ Цит. по: Там же. С. 277.

²⁶ Там же. С. 276–277.

Иванович Зиновьев. Пыточный застенок Д. В. Попову уже не грозил. К сожалению, о его пребывании в Москве известно лишь то, что 30 декабря 1652 года он вновь занял у находившегося тогда в столице Ивана Андреевича Францбекова 300 рублей, правда, на очень короткий срок – до 20 февраля 1653 года.²⁷

Информация Г. А. Леонтьевой о том, что Д. В. Попов получил в Москве за «даурский поход» чин сына боярского²⁸, не соответствует действительности. Но всё же, судя по его дальнейшей биографии, ему удалось добиться главного – официального перехода на государственную службу, и участие в Амурском походе сыграло в этом решающую роль. Кстати, впоследствии Д. В. Попова иногда станут именовать «Попов-Даурский» – видимо, чтобы отличать его от однофамильцев²⁹. Однако на Амур он, несмотря на ошибочное утверждение авторов одной из научно-популярных книг³⁰, больше не вернётся.

По всей видимости, челобитная Д. В. Попова с просьбой о «царском жалованье» была удовлетворена. Его зачислили на службу в енисейские казаки, и следующее упоминание о нём относится именно к Енисейску. Здесь летом 1654 года состоялась новая встреча Д. В. Попова с Е. П. Хабаровым и некоторыми другими казаками-амурцами, которых царский посланник Д. И. Зиновьев вёз в Москву для судебного разбирательства в «государевых делах». Поскольку отношения между Д. И. Зиновьевым и его попутчиками складывались далеко не мирно, енисейский воевода А. Ф. Пашков дополнительно выделил для сопровождения перевозившейся в столицу даурской «соболиной казны» своих людей, попутно поручив им доставить и енисейских соболей. На этот раз имелся в виду не ясак, а соболя, собранные по многообразным пошлинам того времени.

Одним из сопровождающих «государевой мягкой рухляди» был назначен «енисейский пятидесятник казачий Дружинка Васильев сын Попов», что свидетельствует о его существенном карьерном взлёте. Не исключено, что новый чин он получил во время пребывания в Москве. Однако в записи расходной книги Сибирского приказа о прибытии Д. В. Попова в столицу с «госу-

²⁷ Там же. С. 328-329.

²⁸ Леонтьева Г. А. Указ. соч. С. 117.

²⁹ Гурулёв С. А. Первые иркутяне. Иркутск: ИОГАУК АЭМ «Тальцы», 2011. С. 173.

³⁰ Русские землепроходцы и мореходы: Из истории открытия и освоения Сибири и Дальнего Востока. М.: Воениздат, 1982. С. 21.

даревою енисейскою соболиною казною» 29 декабря 1654 года он назван десятником, хотя в следующем году в Енисейске вновь числится пятидесятником³¹. Видимо, в московском документе всё-таки содержится описка. Кстати, в Москву Д. В. Попов прибыл отдельно от Д. И. Зиновьева и Е. П. Хабарова.

После очередного возвращения в Сибирь Д. В. Попов был направлен на службу в Нижний Братский острог (близ современного Братска) на смену казачьему пятидесятнику Ивану Елисееву³². В 1660 году казачий пятидесятник Д. В. Попов находился уже в Балаганском острожке (близ современного посёлка Балаганск на Ангаре), откуда во главе вооружённого отряда двинулся в экспедицию против мятежных бурят, отказавшихся платить ясак. Ему удалось принудить часть мятежников к уплате ясака, но уже в следующем году местные буряты вновь отказались подчиняться и, разграбив доступное русское имущество, откочевали в монгольские степи³³. Таким образом, деятельность Д. В. Попова в этом регионе оказалась неуспешной, хотя здесь он скорее «расплачивался за грехи» прежних администраторов.

Новый розыск беглых бурят вёл, в частности, сын боярский Яков Иванович Похабов. На помощь ему енисейский воевода Иван Иванович Ржевский 22 июня 1661 года направил отряд Д. В. Попова численностью 60 человек с приказанием Я. И. Похабову «отыскать на усть Иркута реки или вверх Иркута самого угрожева места... и на том месте поставить острог». Однако ещё до получения этого распоряжения Я. И. Похабов 6 июля 1661 года основал новый опорный пункт – Яндашский (с 1662 года – Иркутский) острог, ныне город Иркутск. В 1666 году енисейский пятидесятник Д. В. Попов стал приказчиком Иркутского острога³⁴. Более того, согласно сведениям информационного портала Иркутской области «Иркипедия», Д. В. Попов числился иркутским приказчиком дважды – в 1662–1663 и 1665–1666 годах.³⁵ Должность острожного приказчика в то время подразумевала совмещение военных и гражданских функций: приказчик одновременно являлся и комендантом крепости (острога), и руководителем прилегающей территории.

³¹ Красноштанов Г. Б. Указ. соч. С. 435, 438.

³² Там же. С. 436.

³³ Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: ОГИЗ, Соцгиз, 1937. С. 128–129.

³⁴ Гурулёв С. А. Указ. соч. С. 41, 173–174.

³⁵ Иркипедия: Энциклопедия и новости Приангарья [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://timeline.irkipedia.ru/timeline> (дата обращения: 05.03.2019).

Интересно отметить, что енисейские воеводы «сплавляли» Д. В. Попова всё дальше и дальше от уездного центра: Братск, Балаганск, Иркутск... Одновременно это можно расценивать и как доверие к административным и военным способностям Д. В. Попова, и как стремление убрать его «с глаз долой». Истинных причин такой кадровой политики, мы, видимо, уже никогда не узнаем. Для самого же Д. В. Попова служба в «медвежьих углах» Енисейского уезда имела ту выгоду, что позволяла уклоняться от выплаты старого долга по кабале Д. А. Францбекова очередным якутским воеводам.

На упоминании о службе в Иркутске имеющаяся информация о Д. В. Попове обрывается, свидетельств о его дальнейшей деятельности не обнаружено. Г. А. Леонтьева сообщает, что Д. В. Попов уже как сын боярский поступил в подчинение воеводы А. Ф. Пашкова в Нерчинске, и там же началась служебная карьера его сыновей и внуков, однако документальных подтверждений этим сведениям не приводит³⁶. Тем не менее существует упоминание о «даурском сыне боярском» Иване Попове – возможно, сыне Дружины Попова, относящееся к 7183 (1674/75) году.³⁷ Но всё же финал жизни Д. В. Попова остаётся столь же неясным, как и её начало.

Явная недостаточность информации о Д. В. Попове во многом повлияла на появление отрывочных и недостоверных сведений о нём в художественной литературе. В историческом романе Д. И. Романенко «Ерофей Хабаров» он удостоен положительных характеристик «отважный промышленник» и «надёжный человек», но здесь же говорится, что Д. В. Попов первым лично рассказал царю Алексею Михайловичу о богатствах Даурской земли³⁸. В повести М. В. Миронова «На далёкой реке» «есаул полка Дружинка Попов» предстаёт служилым человеком с большим опытом³⁹ и даже атаманствует на Амуре в отсутствие Ерофея Хабарова. В романе Л. М. Дёмина «Хабаров», представляющем собой беллетризованный пересказ известной книги Г. А. Леонтьевой, не

³⁶ Леонтьева Г. А. Указ. соч. С. 117.

³⁷ Отписка нерчинского воеводы Фёдора Воейкова о раздаче жалованья и суков даурским служилым людям // Дополнения к актам историческим. Т. 8. СПб.: Типография Э. Праца, 1862. С. 346–347.

³⁸ Романенко Д. И. Ерофей Хабаров. М.: Московский рабочий, 1969. С. 195, 200, 330, 337.

³⁹ Миронов М. В. На далёкой реке. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1969. С. 62, 65.

только повторяются, но и обрастают дополнительными подробностями допущенные ею искажения в биографии Д. В. Попова⁴⁰. Однако сохранившиеся документальные свидетельства всё-таки позволяют составить вполне определённое представление об этом интересном и незаурядном человеке.

Дружина Васильевич Попов являлся одним из тех «искателей удачи» поневоле, которых не раз порождали перипетии суровой российской истории XVII века. Будучи одарён от природы немалым умом, проявляя исключительную активность и изворотливость, при этом зачастую рискуя всем нажитым ранее состоянием, он не сразу нащупал свой путь. Летом 1650 года ему довелось совершить главный выбор в жизни. Переломным событием в судьбе Д. В. Попова стало его зачисление в Амурское войско.

Случилось так, что среди всех участников Амурского похода (а это более 700 человек) именно Д. В. Попову удалось извлечь из этой неудачной экспедиции максимальные личные дивиденды. Проведя на Амуре немногим более полугода и покинув Даурскую землю задолго до начала трагедии Амурского войска, он смог не только поправить своё материальное положение, но и обратить столь краткосрочный период в исходную точку успешной служебной карьеры. В отличие от других достигших серьёзных карьерных высот казаков-амурцев – С. В. Полякова и А. Ф. Петриловского – ему не довелось проходить долгое судебное разбирательство, как первому, и много лет переносить тяжелейшую амурскую службу, как второму.

Насколько повлиял на такой житейский расклад личный расчёт, а насколько – случай, судить трудно. Элемент везения из бурной жизни Д. В. Попова, конечно, исключать нельзя. Однако при всей своей склонности к риску и авантюрам этот человек всё-таки умел вовремя останавливаться и не лезть на рожон: жизнь научила его разумной осторожности. И хотя разбогатеть ему так и не довелось, но похоже, что гарнизонная служба на самых дальних окраинах страны его вполне устраивала. Тем не менее достоверно утверждать это пока не приходится. Полная реконструкция биографии Д. В. Попова ещё далека от завершения.

⁴⁰ Дёмин Л. М. Хабаров: Амурский землепроходец. М.: АСТ, Астрель, Транзит-книга, 2005. С. 176, 185–186, 189, 198, 363; Леонтьева Г. А. Указ. соч. С. 56, 67, 92.